

ШВЫ НА ГРАНИ

Разлом миров

18+

Р О М А Н

Кирилл Прикота

Швы на грани

«Автор»

2026

Прикота К.

Швы на грани / К. Прикота — «Автор», 2026

Двенадцать лет назад мир едва не рухнул в катастрофе Разлом — и с тех пор на десять рождённых мальчиков приходится одна девочка. Лада выросла в закрытом Скиту под гиперопекой государства, как редкая, оберегаемая ценность, а не человек. Ратмир — командир Дозора Грани, ветеран войны с иномиром, чьё тело покрыто светящимися печатями-шрамами и который боится собственного дара обратиться в чудовище. Когда пропадает девушка из Скита, а следом — учёный, близкий к формуле, способной спасти человечество от вымирания, Ладу отдают под опеку Ратмира — и вынужденное соседство двух раненых людей оборачивается расследованием контрабанды через Грань, охотой на самозванца-Личинника и любовью, которая не убирает шрамы, а превращает их в швы, способные удержать двоих на самом краю.

© Прикота К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Кирилл Прикота

Швы на грани

Глава

СОДЕРЖАНИЕ

- Глава 1. Тихая Заводь
- Глава 2. Праздник Первого Снега
- Глава 3. Назначение
- Глава 4. Флигель
- Глава 5. Жетон
- Глава 6. Прореха
- Глава 7. Пограничный рынок
- Глава 8. Бухгалтерская книга
- Глава 9. Старая рана
- Глава 10. Перевалочная точка
- Глава 11. Разделённые
- Глава 12. Самоволка
- Глава 13. Разломница
- Глава 14. Хель
- Глава 15. Порог
- Глава 16. Одиннадцать дней
- Глава 17. Совет верит
- Глава 18. Перед порогом
- Глава 19. Ночь Тонкой Грани
- Глава 20. Швы, которые держат

Глава 1

Тихая Заводь

* * *

Снег в этом году лёг рано и сразу всерьёз — за одну ночь замело дорогу к пристани, и Скит на неделю остался без лодочника, что вообще-то Ладу вполне устраивало. Лодочник Геф был из тех, кто разговаривает с «хранимыми» девушками особым голосом, слишком мягким и слишком громким одновременно, как с больными или с очень дорогой посудой. Лада давно решила, что предпочитает молчание метели этому голосу.

Она сидела на подоконнике второго этажа, обхватив колени, и смотрела, как во дворе Скита две послушницы обметают крыльцо, а третья, Тоня, пытается на ходу поймать снежинку языком и ловит в основном насмешки. За высокой оградой из мокрого мшистого камня белел лес, и дальше, за лесом, невидимая отсюда, лежала дорога на Ветрогارد — та самая дорога, по которой Ладу, если бы не воля Совета Скитов, не пропустили бы ни в одну сторону без сопровождения.

— Сживёшься с рамой, — сказала за спиной Северга, не отрываясь от грассбуха. Наставница сидела у стола с той же прямой спиной, с которой сидела всегда, — будто позвоночник у неё был отдельным предметом мебели, доставшимся по наследству вместе с должностью. — Опять на подоконнике. Опять смотришь на дорогу, которой тебе нельзя.

— Я смотрю на снег.

— Ты смотришь сквозь снег. — Северга подняла глаза — светлые, усталые, с той складкой у рта, что появлялась у неё каждый раз, когда речь заходила об Инге. — Про Ингу больше ничего не решено. Совет Скитов рассмотрит запрос в положенный срок.

— Три недели прошло, — сказала Лада тихо, чтобы голос не сорвался в то, что могло бы прозвучать как обвинение — обвинять Севергу было бессмысленно и жестоко: та тоже не спала все эти три недели. — Три недели «в положенный срок». Она бы написала. Она обещала мне написать в первый же день из новой общины.

— Дорога до Заречного Скита длинная, письма идут медленно зимой...

— Северга. — Лада впервые за разговор посмотрела наставнице прямо в глаза, и та осеклась, как всегда осекалась, когда Лада перестраивала голос из просительного в требовательный — редкая, но узнаваемая перемена. — Инга ненавидела холод. Она бы никогда не согласилась на перевод в Заречный посреди зимы, когда там снега по пояс и дорога размыта в двух местах. Она попросилась бы весной. Она мне это говорила своими словами месяц назад.

Наставница промолчала. Это было хуже любого ответа.

* * *

Скит Хранимых «Тихая Заводь» стоял на узкой полосе земли между рекой и лесом, обнесённый оградой не столько от волков — волки давно ушли дальше на север, за Мороками не угонишься территорией — сколько символически: чтобы напоминать всем, кто внутри и снаружи, что то, что находится за этой оградой, принадлежит не себе.

Так было устроено с самого Разлома. Сорок лет назад мир треснул — не буквально, треснула невидимая преграда между Кайреном и тем, что люди теперь называли Заграничем, и вместе с преградой что-то надлюмилось глубже, в самой ткани того, как рождались дети. С тех пор на девять, а то и на десять мальчиков рождалась одна девочка. Женщин стало так мало, что каждая рождённая девочка автоматически становилась государственным достоянием раньше, чем научалась говорить: её регистрировали, ей назначали Скит, ей выдавали Хранителя, едва она достигала возраста, когда могла заинтересовать не только Совет, но и любого мужчину с деньгами или дурными намерениями. Её берегли так, как берегут последнее зерно перед голодной зимой — с любовью, безусловно, но и с тем расчётливым страхом, что делает любовь тюрьмой.

Лада родилась двадцать один год назад, и всю свою жизнь провела внутри этого расчёта.

Она не помнила своих родителей — они умерли в эпидемии оспы, когда ей было три, — и Скит стал единственным домом, который она знала. Северга её вырастила по-своему честно: учила читать, писать, вести хозяйство, обращаться с травами — но каждый урок был обернут в невидимую, но абсолютно непроницаемую формулу: «ты слишком ценна, чтобы рисковать». Ценна, как чашка из тонкого фарфора. Не как человек, у которого могут быть свои опасные, глупые, живые желания.

Лада ненавидела эту формулу так сильно, что тайком, три года подряд, ходила по вечерам к старой знахарке Аглаше — та жила на самом краю Скита, в домике, куда Совет заглядывал редко, потому что Аглаша была слишком стара и слишком полезна, чтобы её тревожить, — и училась там не только распознавать травы по запаху в темноте, но и держать нож так, чтобы он не выпадал из руки при первом же испуге. Аглаша не спрашивала, зачем ей это. Просто учила.

— Умение постоять за себя — это тоже трава, — сказала она однажды, протягивая Ладе клинок с рукоятью, обмотанной сухими стеблями зверобоя для верного хвата. — Просто редкая. И вырастить её дольше, чем полынь.

Лада тогда рассмеялась — и не сказала Аглаше, что за неделю до этого попыталась сама срезать полынь неправильным серпом и порезала руку так, что Северга неделю причитала. Иногда лучшая трава — та, что удержится в дрожащей руке.

* * *

К вечеру снегопад начал стихать, и весь Скит, все двадцать три его обитательницы — от восьмилетней Мили до шестидесятилетней Аглаши, — высыпали во двор украшать столбы у главного крыльца лентами и еловыми лапами. Через два дня был Праздник Первого Снега — единственный день в году, когда девушек Скита выводили в город, на главную площадь Ветрогарда, под усиленной охраной Дозора Грани, чтобы показать всему Кайрену, что «хранимые» живы, здоровы и почитаемы, а не заперты в подвале, как шептались злые языки в дальних деревнях.

Лада знала, что настоящая причина Праздника куда более прозаична: раз в год государству было выгодно напомнить всем незамужним мужчинам страны — от кузнецов до вельмож, — что где-то там, за оградой, есть девушки, ради которых стоит зарабатывать положение, деньги, имя. Женидьба на «хранимой» была вершиной социального восхождения, доступной единицам, и каждый год на площади Ветрогарда собиралась толпа мужчин, глядящих на девушек Скитов с той смесью восторга и голода, от которой у Лады сводило живот задолго до самого Праздника.

— Ты в этом году идёшь третьей в шеренге, — сказала Тоня, поправляя на еловой ветке слишком тяжёлый для неё бант. — Северга сказала.

— Мне всё равно, какой я по счёту.

— Мне бы не было всё равно. — Тоня, шестнадцатилетняя, ещё год как «в очереди на смотр», смотрела на предстоящий Праздник с той жадной надеждой, которая у Лады давно перегорела в нечто среднее между усталостью и злостью. — Говорят, в этом году сам командующий Дозором Грани приедет со свитой. Говорят, у него офицеры — сплошь Шрамники, ух...

— Шрамники — не украшение к празднику, Тоня. — Аглаша, проходившая рядом с корзиной сушёных яблок, не остановилась, но добавила через плечо своим скрипучим голосом: — Это люди, которые дважды в шаге от того, чтобы забыть, что они люди. Радуйся издалека и молчи вблизи.

Тоня фыркнула, но замолчала — старую знахарку слушались даже те, кто не слушался никого.

Лада проводила Аглашу взглядом и подумала об Инге — как та в прошлом году, ровно на этом же месте, вешала такой же бант и смеялась, что ни один Шрамник, ни один вельможа, ни один командующий не стоит того, чтобы к нему выходить замуж, если он не умеет как минимум развести костёр без магии и не смеяться свысока над девушкой, которая умеет это лучше него.

Инга умела разводить костёр лучше половины Дозора Грани. Инга умела очень многое. И три недели назад Инга вышла со двора Скита — по официальному разрешению, с сопровождающей, в город, за нитками для вышивки к Празднику, — и не вернулась.

Сопровождающая, старая Фрося, вернулась одна, бледная, с рассказом о том, что Инга «отстала на рынке буквально на минуту» и потом не нашлась — ни на рынке, ни у знакомых торговцев, ни в квартале Скитов, куда сходятся все дороги «хранимых» девушек. Дозор Грани завёл дело. Дело за три недели не продвинулось ни на шаг, если верить формальным отпискам. Совет Скитов вздохнул, покачал головой, произнёс успокоительные слова про «перевод в другую общину» — слова, в которые не поверила даже сама Северга, судя по складке у её рта, — и жизнь Скита потекла дальше, будто одной девушки в ней никогда не было.

Лада не могла позволить себе течь дальше.

* * *

Ночью, когда весь Скит уснул, она достала из-под половицы завернутый в тряпицу нож Аглаши и небольшую самодельную тетрадь, куда за три недели выписала всё, что смогла добыть об исчезновении Инги: имена торговцев на рынке, у которых Инга покупала нитки в тот день (три имени, все проверены, все чисты); имя стражника у ворот квартала (тоже проверен); и одна странная деталь, которую Фрося обронила лишь один раз, потом как будто забыла и больше не повторяла: за минуту до того, как Инга «отстала», рядом с ними на рынке крутился

человек с медным жетоном на шее — таким же, каким метят перевозчиков груза через речные заставы, только с незнакомым Фросе клеймом. Не государственный герб. Что-то другое — не то змея, не то водоворот.

Лада перерисовала жетон по описанию Фроси так подробно, как могла, и с тех пор носила рисунок в тетради, как единственную нить, которая у неё была.

За окном скрипнул наст — какой-то зверь, скорее всего, лиса, прошёл вдоль ограды. Лада выждала, пока звук стихнет, и придвинула свечу ближе к тетради.

«Найду, кому принадлежит этот жетон, — написала она внизу страницы, — и найду Ингу».

Она не знала — ещё не могла знать, — что через два дня, на самой площади Ветрогарда, среди толпы, лент и морозного пара из всех ртов, тот же самый знак — не то змея, не то водоворот — снова возникнет перед её глазами, на этот раз не нарисованный на бумаге, а вживую вытатуированный на запястье существа, которое совсем не было человеком.

И что рядом с ней в этот момент окажется мужчина, чьё лицо будет исчерчено шрамами настолько, что дети на площади примутся тихонько сдерживать плач при взгляде на него — мужчина, которого через несколько дней Совет Скитов назначит её Хранителем, к негодованию их обоих.

Она закрыла тетрадь, спрятала под половицу нож и легла спать, не подозревая, что это последняя ночь её жизни, в которой всё ещё было просто.

Глава 2

Праздник Первого Снега

* * *

Площадь Ветрогарда к полудню превратилась в котёл из пара, гомона и запаха жжёного сахара — торговцы жарили орехи в карамели прямо на переносных жаровнях, и дым от них смешивался с морозным паром из всех ртов так плотно, что дальний конец площади, где стояла ратуша, казался нарисованным акварелью, а не настоящим камнем.

Лада шла третьей в шеренге, как и обещала Тоня, между Милей — младшей, которую впервые вывели «на смотр», и потому шедшей с торжественно перепуганным лицом, — и самой Тоней, которая улыбалась так широко и так неотрывно смотрела в толпу, что рисковала свернуть себе шею. Двадцать три девушки Скита «Тихая Заводь» в одинаковых белых шубках с меховой оторочкой шли по расчищенному коридору площади, а по обе стороны коридора, за оцеплением из синих мундиров Дозора Грани, стояла и глазела на них половина Ветрогарда.

Лада давно научилась не смотреть на толпу — не потому, что боялась, а потому, что взгляды толпы были слишком похожи один на другой: восторг, оценка, расчёт. Вместо этого она смотрела на снег, всё ещё падающий редкими, крупными хлопьями, и на морозный пар, и на медные пуговицы синих мундиров — считала их, чтобы не считать взгляды.

Именно поэтому она первой заметила жетон.

Он мелькнул на груди человека в третьем ряду толпы, у самого края оцепления, — человек стоял неприметно, в грубом плаще торговца, каких на площади были десятки, — но жетон на его шее, выскользнувший на секунду из-под ворота, был тем самым: не то змея, не то водоворот, вычерченный на тускло-медном кругляше. Тот самый рисунок, который Лада перерисовала в тетрадь три недели назад со слов Фроси.

Она сбилась с шага. Тоня, не заметив, продолжала идти и улыбаться толпе; Миля вопросительно покосилась на Ладу, но та уже вернула лицу праздничное безразличие, а сама, не поворачивая головы, попыталась запомнить лицо человека с жетоном: узкое, бледное, с тонкими светлыми бровями, ничем не примечательное, кроме того, что оно совершенно не улыбалось — единственное не улыбающееся лицо на всей площади, кроме синих мундиров Дозора.

Человек с жетоном смотрел не на Ладу. Он смотрел на Милю.

И тут кто-то закричал.

* * *

Крик начался у самой ратуши, где стояла трибуна для командующего Дозором Грани — крик, оборвавшийся почти сразу же, слишком коротко для обычного испуга, — и в следующую секунду толпа шатнулась, как одно большое живое тело от резкого удара, и над головами, там, где секунду назад стоял человек в парадном мундире — секретарь городского магистрата, как позже выяснится, — теперь возвышалась фигура, при одном взгляде на которую тело у Лады среагировало раньше разума: холодом вдоль хребта, чистым, древним, звериным ужасом.

Существо было ростом с человека и почти неотличимо от человека — та же одежда, тот же мундир, то же лицо секретаря магистрата, — если бы не то, что лицо это в следующую секунду поплыло, как отражение на воде, и под ним проступило что-то другое: серо-бурая, влажная, лишённая единого выражения маска, из которой торчали в разные стороны слишком длинные, слишком много раз сочленённые пальцы.

Личинник. Лада видела рисунки в старых учебниках Скита, слышала рассказы Аглаши о войне, но никогда — никогда до этой секунды — не видела живую то самое существо, из-за которого сорок лет назад весь Кайрен научился жить с оглядкой.

Толпа взревела и хлынула в стороны разом, как вода из прорванной запруды, и в этом реве Лада потеряла из виду и Тоню, и Милю, и весь строй; чья-то плечо ударило её в грудь, кто-то наступил на подол шубки, и она упала бы, если бы не вцепилась в чужой рукав и не удержала равновесие рывком, который отозвался болью во всём теле.

Личинник над трибуной раскинул чересчур длинные руки — Лада видела это через просвет между спинами убегающих людей — и там, где он коснулся ближайших к трибуне зевак, на их лицах на мгновение проступало то же самое серое, бурое, безучастное выражение: не превращение, а что-то вроде наваждения, тумана, разлитого прямо в воздухе.

Морочный туман. Она читала о нём — читала, что он подчиняет человека медленному, липкому страху, обездвиживает его, заставляет застыть, как заяц перед волком, и что противостоять ему может лишь очень сильная воля или защитная печать Дозора.

У Лады не было ни печати, ни, как она искренне полагала, особенно сильной воли.

И всё же, когда серый туман докатился до неё самой густой волной, прошёл по коже как холодный сквозняк — тело её не застыло. Она вздрогнула, задыхнулась от неожиданности, но ноги её продолжали держать её, руки продолжали слушаться, и вместо липкого паралича внутри неё поднялось что-то другое: острая, ясная, почти физическая злость, будто туман, коснувшись её, наткнулся на что-то в её крови, что отказалось прогибаться.

Она не успела понять, что это значит. Она успела только увидеть, как совсем рядом, шагах в пяти, застыла — по-настоящему, окаменело, с расфокусированным взглядом — Миля, восьмилетняя Миля, впервые в жизни выведенная «на смотр», прямо на пути того самого длинного палого существа, что уже тянуло к ней руку.

Лада не думала. Она прыгнула вперёд.

* * *

Она не успела бы. Она знала это даже в момент прыжка — расстояние было слишком велико, руки слишком слабы, никакой нож Аглаши не помог бы против существа, у которого, судя по учебникам, шкура крепче варёной кожи, — но добежать ей и не пришлось.

Между Ладой и Милей возникла фигура — возникла настолько быстро, что Лада не увидела движения, только результат: мужчина в тёмной форме Дозора Грани, без знаков различия, с обнажённым клинком, который на морозном воздухе слабо, едва заметно светился вдоль лезвия — не отражённым светом, а своим собственным, тускло-золотым.

Он ударил Личинника не клинком — плечом, всем корпусом, отшвыривая существо от Миля на середину освободившейся площади, и в развороте, без паузы, всё-таки достал его клинком наотмашь, вскрыв длинную рану вдоль серого бока, из которой закапало что-то чёрное, дымящееся на снегу.

Личинник взвыл — звук был неправильным, будто исходил не из плотки, а сразу из нескольких точек тела, — и туман, разлитый в воздухе, дёрнулся, посветлел, начал редеть, будто существо, раненое, теряло контроль над собственным наваждением.

Лада, замершая на полпути к Миле, впервые за всё это время смогла разглядеть человека, который спас девочку.

Он был высок, шире в плечах, чем полагалось бы обычному дозорному, и левая половина его лица — от виска до подбородка — была исчерчена шрамами настолько густо, что кожа там казалась не кожей, а корой старого, много раз обожжённого дерева: бледные, чуть светящиеся линии переплетались друг с другом так плотно, что не осталось ни одного нетронутого участка, и там, где обычный человек прищурился бы от резкого зимнего света, у него дёргалась не бровь, а вплетённый в неё шрам.

Он не был красив в привычном смысле. Он был страшен — этого Лада не могла не заметить в первую секунду, и она устыдилась этой мысли даже быстрее, чем успела её толком подумать, потому что во вторую секунду она увидела его глаза: серые, ясные, совершенно спокойные, глядящие на раненого Личинника с той сосредоточенностью, в которой не было ни капли страха — только расчёт.

— Назад! — крикнул он, не глядя на Ладу, явно чувствуя её присутствие сбоку каким-то не совсем обычным чутьём. — Всем назад, за оцепление!

Личинник, извиваясь, начал вставать — рана на боку затягивалась на глазах, дымясь, чёрная кровь сворачивалась в подобие струпа быстрее, чем у любого живого существа, — и мужчина со шрамами атаковал снова, на этот раз коротко, точно, вгоняя клинок в основание длинной шеи существа под тем углом, что не оставлял ни одного шанса на регенерацию.

Личинник осел на снег и через несколько секунд перестал быть похож на секретаря магистрата вовсе — просто серая масса, быстро оседающая, будто тающий снег, оставляющая на камнях площади только запах гнилой воды и увядших цветов.

Тишина, повисшая после этого, была громче любого крика.

* * *

— Ты цела?

Он подошёл к Ладе первым — Миля уже была на руках у подбежавшей Северги, рыдающей и одновременно проверяющей, не ранена ли девочка, — и вблизи шрамы на его лице казались ещё более многочисленными, ещё гуще переплетёнными, но голос у него был неожиданно тихим, лишённым какой бы то ни было театральности, свойственной героям площадных историй.

— Цела, — сказала Лада, хотя руки у неё до сих пор мелко дрожали — не от испуга, поняла она через секунду, а от того самого прилива злости-упрямства, что не дал туману её остановить. — Вы... как вы его так быстро?

— Работа. — Он взглянул на неё внимательнее, чем, по мнению Лады, того требовала простая проверка на ранения, и в его взгляде на секунду мелькнуло что-то похожее на удивление. — Ты не застыла в тумане.

— Не застыла, — согласилась она, только теперь понимая, насколько это странно. — А должна была?

— Должна была. — Он не улыбнулся — она поняла позже, что он вообще редко улыбается, — но что-то в его голосе стало чуть менее ровным. — Морочный туман валит с ног взрослых мужчин Дозора без печати. Ты просканирована на защитные амулеты?

— У меня их нет.

Он посмотрел на неё ещё секунду — долгую, изучающую, будто пытался решить какую-то задачу, не имеющую отношения к простому «цела ли девушка после нападения», — и наконец кивнул сам себе, коротко, деловито, убирая клинок обратно в ножны.

— Как тебя зовут?

— Лада Верейн. Тихая Заводь.

— Ратмир Северин. — Он назвался так же коротко, без чинов, хотя чины у него, судя по перешёптыванию подбегающих дозорных, явно были немалые. — Оставайся у оцепления, пока площадь не проверят полностью. И, — он сделал паузу, как будто сама следующая фраза стоила ему усилия, — держись поближе к Дозору следующие несколько дней. Личинники редко нападают на площадях без причины. А тот, кто напал именно здесь и именно сегодня, был не один.

Он не сказал, откуда знает это — не сказал ей, во всяком случае, — но развернулся и пошёл к трибуне, где уже собирались старшие офицеры Дозора, отдавать приказы деловым, будничным тоном человека, для которого сегодняшняя схватка была не подвигом, а обычной сменой.

Лада смотрела ему в спину, чувствуя, как сердце до сих пор колотится где-то в горле, и не могла понять, что именно тревожит её больше: то, что она только что видела Личинника вживую, то, что туман не подчинил её волю, как должен был, — или то, как долго и как странно смотрел на неё этот исчерченный шрамами человек, будто увидел в ней не «хранимую девушку со смотря», а загадку, которую был обязан решить.

Она ещё не знала, что была права во всех трёх пунктах сразу.

Глава 3

Назначение

* * *

— Нет.

Ратмир произнёс это слово так, как обычно произносил приказы своим людям — коротко, без интонации, не оставляя пространства для обсуждения, — и всё же командующий Тарн, сидевший напротив него за столом заваленного бумагами кабинета, даже не поднял бровь, будто ожидал именно этого ответа и заранее к нему подготовился.

— Это не просьба, Ратмир.

— Тогда это ошибка Совета Скитов, а не приказ, который я обязан выполнять с воодушевлением. — Ратмир не сел, хотя Тарн дважды указывал ему на стул: сидеть напротив начальства он не любил ещё с тех пор, как сидение начало напоминать ему ожидание в лекарской палатке после Прорехи. — Я оперативник, а не нянька. У меня три открытых расследования, включая пропажу учёного Мора, и вы предлагаете мне бросить всё, чтобы водить за ручку девицу со Скита.

— Девуцу, которую ты сам вытащил из-под лап Личинника три дня назад, — заметил Тарн спокойно, — и которая, по донесению твоих же людей, не поддавалась морочному туману. Ты понимаешь, что это значит?

Ратмир понимал. Именно поэтому он не спал две последние ночи, вместо сна прокручивая в голове раз за разом ту секунду на площади: серый туман, растёкшийся по толпе, десятки застывших взрослых мужчин — и девушка в белой шубке, дрогнувшая, но не окаменевшая, с лицом, на котором вместо ужаса читалось что-то вроде оскорблённого упрямства.

— Это значит, что её стоит обследовать целители Дозора, а не приставлять к ней личного Хранителя, — сказал он вслух. — Тем более меня.

— Именно тебя. — Тарн наконец отложил перо и посмотрел на Ратмира тем взглядом, которым смотрел на него с самой Прорехи — взглядом человека, который помнит его молодым, целым, до того как семь печатей разом легли на тело двадцатипятилетнего лейтенанта, выжившего единственным из всего отряда. — Потому что если девушка действительно необычна — а Совет Скитов, к моему удивлению, тоже это заметил, — ей нужен Хранитель, которого нельзя обмануть морочным наваждением. Такой Хранитель в Дозоре Грани — ты один.

— Есть Ольгерд.

— У Ольгерда семья и три печати. Ты — единственный старший Шрамник без семьи, единственный, кому уже нечего терять в глазах Совета, и единственный, кто выжил при прямом контакте с крупным роем Личинников без последующего Обращения. — Тарн произнёс последнее слово тише, почти бережно, зная, как Ратмир на него реагирует. — Я не предлагаю тебе это как награду, Ратмир. Я предлагаю это как единственный логичный вариант, который есть у Совета.

Ратмир отвернулся к окну. За окном, во внутреннем дворе управления Дозора, несколько молодых бойцов отрабатывали удары на манекенах, обмотанных промасленной тряпкой, и пар от их дыхания смешивался с паром от вспотевших спин — привычная, честная картина, куда более понятная ему, чем то, что происходило сейчас в этом кабинете.

— Сколько у меня печатей, Тарн? — спросил он не оборачиваясь.

— Ты знаешь сколько.

— Скажи вслух. Мне нравится слышать это от кого-то, кроме себя.

Тарн помолчал — не потому, что не помнил цифру, они оба слишком хорошо её помнили, — а потому, что произносить её вслух означало признавать то, о чём в Дозоре старались не говорить прямо.

— Одиннадцать, — сказал он наконец. — Старшие Шрамники Ордена считают критическим порог в двенадцать-тринадцать печатей, в зависимости от человека. Ты у самого края, Ратмир. Я знаю это лучше, чем кто бы то ни было в этом здании.

— Тогда ты понимаешь, почему мне не нужен лишний стресс в виде капризной хранимой девицы, за которой охотятся Личинники, и почему любая новая рана, полученная при защите этой девицы, может стать той самой двенадцатой печатью, после которой я перестану быть тем, с кем ты сейчас разговариваешь.

Это была самая длинная и самая честная фраза, которую Ратмир произнёс за последние месяцы, и Тарн выслушал её не перебивая, с тем терпением, которое давалось ему явно нелегко.

— Именно поэтому, — сказал он тихо, когда Ратмир закончил, — я и хочу, чтобы её Хранителем стал ты. Потому что тебе, в отличие от молодых бойцов, действительно есть что терять — самого себя, — и потому что ты единственный, у кого достаточно самодисциплины, чтобы не сорваться на двенадцатую печать по глупости, а не по необходимости. Я верю в твою голову больше, чем в чью-либо ещё в этом здании, Ратмир. И именно поэтому прошу тебя, а не приказываю.

Ратмир молчал долго. За окном молодые бойцы закончили отрабатывать удары и теперь смеялись над кем-то, кто, судя по звуку, поскользнулся на льду.

— Она хоть знает, что ей уготовили Хранителя? — спросил он наконец.

— Совет Скитов сообщит ей сегодня. — Тарн позволил себе едва заметную, короткую улыбку. — Судя по донесениям твоих же людей о её характере, реакция будет не менее восторженная, чем твоя.

* * *

Реакция и в самом деле не была восторженной.

— Мне не нужен Хранитель, — сказала Лада, стоя перед Севергой в её кабинете и стараясь не сжимать кулаки так, чтобы это было заметно. — Мне двадцать один год, я и без того живу под замком с трёх лет, а теперь вы хотите приставить ко мне ещё и персональную тюремную стражу.

— Это не тюремная стража, Лада, это защита. — Северга произнесла это устало, будто уже сто раз повторяла эти слова про себя, готовясь к разговору. — Ты не застыла в морочном тумане на площади. Ты понимаешь, что это делает тебя интересной не только для учёных Дозора, но и для тех, кто напал?

— Я понимаю, что три недели назад пропала Инга, и никто в этом Скиту не назначил ей Хранителя заранее, потому что никто вовремя не заметил, что она интересна кому бы то ни было, — отрезала Лада, и Северга дёрнулась, как от удара. — А теперь, когда заметили меня, все внезапно очень озаботились моей безопасностью. Как удобно.

— Это несправедливо по отношению к Совету...

— Совет несправедлив по отношению к нам всем уже сорок лет, Северга, простите, что я не аплодирую его внезапной заботе.

Наступила пауза, во время которой Северга смотрела на свою воспитанницу с выражением, в котором усталость мешалась с чем-то похожим на гордость — Лада давно заметила, что Северга особенно ценит в ней именно то упрямство, за подавление которого сама же формально отвечала.

— Хранителем назначен старший Шрамник Ратмир Северин, — сказала наконец Северга. — Тот самый, что спас Милю на площади.

Лада замерла.

Она помнила его лицо — исчерченное шрамами, спокойное, страшное и одновременно совершенно не пугающее её саму, что было странно, потому что первую секунду ей полагалось бы испугаться, — и помнила его голос, тихий, деловой, лишённый той приторной мягкости, с которой Скит привык обращаться к «хранимым».

Она помнила, как долго и внимательно он на неё смотрел, будто она была задачей.

— Он не хотел этого назначения, — добавила Северга, наблюдая за лицом Лады с профессиональным вниманием женщины, вырастившей два десятка девушек и научившейся читать их немой язык лучше, чем они сами умели его читать. — Тарн сказал мне это прямо. Северин отказывался.

— Прекрасно, — сказала Лада, хотя внутри у неё что-то странно, неприятно сжалось от этой новости — не обида, что-то ближе к разочарованию, которому она сама не могла подобрать причины. — Хотя бы у нас общее мнение по одному вопросу.

— Он приступит к службе через два дня. Будет жить в гостевом флигеле Скита.

— Прекрасно, — повторила Лада уже совсем без выражения, и вышла из кабинета Северги, чувствуя, как в груди борются два одинаково сильных, но противоречивых желания: развернуться и наотрез отказаться от этого назначения перед всем Советом — и, вопреки всякой логике, ещё раз увидеть, как этот исчерченный шрамами человек смотрит на неё, будто пытаясь решить задачу.

Она выбрала промолчать про второе желание даже перед самой собой. Получилось не очень убедительно.

Глава 4

Флигель

* * *

Гостевой флигель Скита «Тихая Заводь» не использовался по назначению уже лет десять — последним его обитателем был старый лекарь, приезжавший раз в год делать общий осмотр воспитанниц, — и когда Ратмир открыл дверь ключом, выданным ему Севергой с той же миной, с какой обычно выдают предписание о неприятной, но неизбежной процедуре, из флигеля на него дохнуло холодом, пылью и мышами.

Он привёл флигель в порядок за один вечер — не потому, что заботился об уюте, а потому, что не выносил беспорядка вокруг себя: беспорядок отвлекал, а отвлечение на службе Хранителя, которую он всё ещё внутренне называл «нянченьем», грозило обернуться той самой лишней раной, о которой предупреждал Тарн. Дров он наколот ровно столько, сколько нужно на неделю. Кровать застелил по уставу, хотя устав, разумеется, не предусматривал должности Хранителя при Ските.

На второй день, когда он чинил проржавевшую щеколду на ставне, за спиной слышался хруст снега — слишком лёгкий для взрослой женщины, слишком уверенный для случайной послушницы.

— Вы правда собираетесь жить здесь? — спросила Лада, остановившись в нескольких шагах, скрестив руки на груди с видом человека, готового к спору. — В этой развалюхе?

— Развалюха вполне пригодна для жизни. — Ратмир не оглянулся, продолжая закручивать шуруп. — Мне не нужны хоромы.

— А мне не нужен Хранитель, живущий во дворе моего дома.

— Мне тоже не нужно это назначение. — Он наконец обернулся, и Лада против воли снова поймала себя на том, что смотрит на его шрамы дольше, чем полагалось бы вежливостью, — не с отвращением, скорее с каким-то механическим любопытством, будто пыталась понять устройство сложного узора. — У нас есть хотя бы это общее.

— Тогда почему вы согласились?

— Потому что мне сказали, что если я откажусь, назначат кого-то другого, менее опытного, — сказал он ровно, — а менее опытный Хранитель — это риск не для меня, а для вас. Я предпочитаю риски, которые могу контролировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.